

Аннотация

Статья Кошкиной Е.Г. «Фразеологизмы как вербальные репрезентанты «народного духа» и культуры народа» посвящена рассмотрению лингвокультурологической проблемы вербального эксплицирования культуры народа на фразеологическом уровне посредством *устойчивых, семантически связанных сочетаний слов и предложений*. Их семантический и этимологический анализ дает доступ к пониманию особенностей мировоззрения наших предков, позволяет реконструировать их картину мира, он также помогает постичь смысл тех моральных принципов, стереотипов, эталонов, которые значимы для нас по сей день.

Фразеологизмы как вербальные репрезентанты «народного духа» и культуры народа

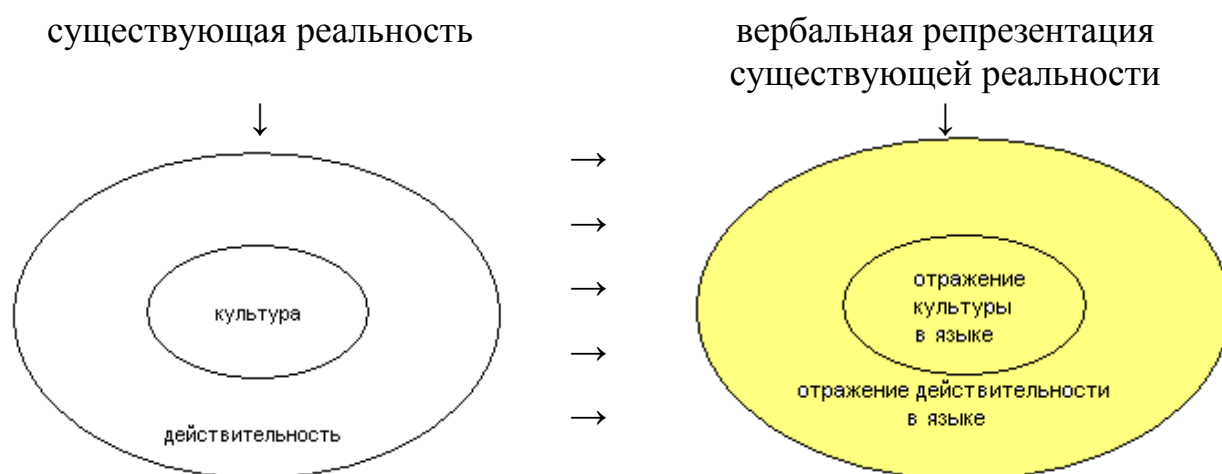
«Для познания нравов какого ни есть народа» нужно изучать его язык, сказал в 5 веке до н.э. Пифагор. Проблемой взаимоотношений языка, культуры и этноса в начале 19 в. занимались датский языковед Расмус Раск, немецкие ученые, братья Гримм. Их идеи нашли отражение в России в 60-70-х гг. 19 в. в трудах одного из первых крупных теоретиков лингвистики в России, А.А. Потебни, исследователя народного творчества, историка литературы и фольклора А.Н. Афанасьева, а также филолога и искусствоведа Ф.И. Буслаева.

Наиболее широкое распространение в мире получили идеи В. Гумбольдта. Пытаясь ответить на вопрос о взаимодействии культуры и языка, он пришел к выводу о том, что материальная и духовная культура непременно находят свое отражение в языке. Более того, всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира. Каждый язык обладает особой внутренней формой, которая является выражением «народного духа», культуры народа. Словами В.А. Масловой: «Язык «прорастает» в культуру, развивается в ней и выражает ее» [Современные направления в лингвистике 2008: 128].

Что касается современного состояния проблемы, то ее актуальность со временем только возросла, она стала одной из центральных в языкознании, о чем свидетельствует создание и успешное функционирование в Москве

четырёх школ, занимающихся исследованием проявлений культуры народа, которые отразились и закрепились в языке: школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова (описание констант культуры в диахроническом аспекте), школа Н.Д. Арутюновой (универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов), Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов В.Н. Телии (основной постулат – изоморфизм языка и культуры, что позволяет анализировать язык через культуру и культуру через язык), школа лингвокультурологии при РУДН, созданная В.В. Воробьевым, развивающим концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Современные направления в лингвистике 2008: 128-131].

В решении проблемы о соотношении языка и культуры существуют несколько подходов. Первый заключается в том, что язык – это простое отражение культуры, поскольку язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности¹.

Т.е. язык отражает действительность, а значит и культуру как компонент этой действительности. Соответственно в соотношении «действительность-культура-язык» наблюдается прямая пропорция: изменяется действительность, меняются и культурно-национальные стереотипы,

¹ Представители этого подхода – отечественные философы С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкин, Э.С. Маркарян.

изменяется и сам язык. Таким образом, в рамках первого подхода очевидно воздействие культуры НА язык.

Второй подход рассматривает обратное воздействие, т.е. влияние языка на культуру. Исследованием этой проблемы занимались, прежде всего, представители школы Э. Сепира и Б.Уорфа, которые были убеждены, что *люди видят мир сквозь призму своего родного языка*. Реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Согласно Б.Уорфу «мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. ... Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, поскольку мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Маслова 2007: 61, цитата по Б. Уорфу²].

А. Вежбицкая также считает, что «мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком, мы расчленяем мир, как это закреплено в системе моделей нашего языка» [Вежбицкая 2001: 22].

Н.Ф. Алефиренко, соглашаясь с А. Вежбицкой, поясняет, что в языке действительно фиксируются важные для носителей определенной культуры объекты отражающегося в сознании мира. В языковом сознании запечатлевается то, что для данной лингвокультуры представляется особо значимым. Овладевая родным языком, мы с раннего детства видим мир в ракурсе, проецируемом нашим языковым сознанием, каким он представлен в концептосфере данной этноязыковой культуры [Алефиренко 2010: 89].

Согласно третьему подходу к решению проблемы, язык – составная часть, компонент культуры, наследуемой нами от наших предков. Н.Ф.

---

² Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. –С. 174.

Алефиренко, признает язык основным средством, с помощью которого одно поколение передает культурное наследие другому. «Без языка культура, такая, какой мы ее знаем, просто не существовала бы» [Алефиренко 2010: 88].

Отношения между языком и культурой можно рассматривать как отношения части и целого.

Однако, язык в то же время автономен по отношению к культуре, он рассматривается как независимая, автономная семиотическая система, т.е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике.

Согласно концепции Е.В. Масловой, *язык обслуживает культуру*, но не определяет ее. Языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры, именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей [Маслова 2007: 62].

* * *

Занимаясь проблемой анализа языковых знаков в контексте культуры, описывая культурную семантику языковых единиц, мы, по сути, пытаемся эксплицировать культурную информацию, которая «сокрыта» за языковыми значениями. Именно такой имплицитный характер культурной информации имеют фразеологизмы, являющиеся объектом предлагаемого в статье исследования.

Подчеркнем, что отправным моментом предлагаемого анализа является общепризнанный факт, заключающийся в том, что отражение процесса развития культуры народа, фиксация и передача от поколения к поколению культурных установок, стереотипов, эталонов, архетипов происходит

посредством фразем (фразеологических единиц / фразеологизмов / идиом / устойчивых словосочетаний), паремий и афоризмов.

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко определяют фразему, единицу фразеологии, как устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов». Фраземы – это яркие, образно-эмоциональные, экспрессивно-оценочные средства языка, способствующие созданию эстетически-значимой, содержательной, эмоционально-оценочной, выразительной картины мира [Алефиренко, Семененко 2009:15, 46].

Что касается экспрессивности, то это, по мнению В.Н. Телии, *ведущая* функция фразем, в связи с чем, главным компонентом фразеологического значения является не денотативная³ и сигнификативная⁴, а именно коннотативная семема, включающая экспрессивные, оценочные (напр. неодобрительность), эмоциональные (напр. отрицательное отношение говорящего к предмету) и стилистические (напр. разговорность) семы.

Итак, в случае фразеологизмов речь идет о *семантически связанных сочетаниях слов* и предложений, которые в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном отношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава. Это – продукты особого вида вторичной номинации – косвенной, представленной различного рода синтагматическим взаимодействием слов-компонентов в процессах переосмысления и формирования нового значения исходного значения или отдельного слова [ЛЭС 1990: 559-560].

---

³ Денотативная семема фразеологического значения – результат переосмысления свободносинтаксического прототипа фраземы, существует первичная семема денотативного характера (денотат 1: предметная ситуация, которая обозначается словосочетанием) и вторичная (денотат 2: переосмысленная предметная ситуация) [Алефиренко, Семененко 2009:52].

⁴ Сигнификативный компонент фразеологического значения связан с осмыслением денотата 2, выводится из него в виде образно-смысловой структуры фраземы в результате ассоциативно-образного мышления.

Рассмотрев вкратце, что представляет собой фразеологизм, остановимся подробно на том, как основные ценности и элементы культуры могут вербально передаваться через фразеологизмы.

Анализируя эту проблему Н.А. Новикова исходит из того, что фразеологизмы дают представление о *первоначальных нравственных* ценностях человека, определяют национальную специфику этической стороны его жизни [Новикова 2004: 234]. Можно утверждать, что фразеологические единицы возникли не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы *интерпретировать, оценивать* и выражать к нему субъективное отношение.

В.Н. Телия называет фразеологический состав языка «зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Маслова 2007: 82].

В.А. Маслова называет фразеологизмы сгустками культурной информации, они позволяют добраться до глубины народного духа, до его культуры. Они всегда отражают какие-то сложившиеся в обществе стереотипы, эталоны, значимые только для этого общества [Маслова 2004: 74]. Подобного мнения придерживается В.Н. Телия, она пишет о том, что «в языке закрепляются и фразеологизируются те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия 1996: 215].

Итак, вслед за В.А. Масловой можно сказать, что «фразеологизм – это кладезь премудростей» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, культуру от поколения к поколению [Маслова 2004: 75].

Следует отметить, что разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру. Проще всего понять и объяснить культурный аспект помогают те фразеологизмы, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. Такие фразеологизмы в самом своем лексическом

составе содержат указание на сферу материальной культуры; их значение и выражаемая ими оценка формировались с учетом значений входящих в их состав лексем.

Есть образно-эмотивные по своей сути фразеологизмы, в значении которых важно образное основание. Формирование таких фразеологизмов происходит на протяжении длительного времени. Изначально возникает некая прототипная ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма. Позже за ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, так возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Таким образом, в самом формировании фразеологизмов, т.е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем «воскрешается» в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой [Маслова 2004: 83-84].

Особую роль в сохранении духовной и интеллектуальной культуры этноса играют паремии, афоризмы народного происхождения или, другими словами, пословицы и поговорки. Поскольку паремии совмещают в себе свойства фразеологизмов со свойствами предложений и свободных сочетаний, вопрос об отнесении их к общему фразеологическому фонду языка остается спорным. Причем именно форма предложения у паремии является, по мнению ученых, основным отличием пословицы от фразеологизма. К другим отличительным свойствам паремий относятся смысловая и интонационная завершенность, синтаксическая членимость, а также, по мнению Н.Н. Семененко тот факт, что в основе пословицы лежат не понятия, как у фразеологизмов, а суждения. Следует также отметить, что пословицы и поговорки выполняют функцию «нравоучения», выражая накопленную веками «народную мудрость», характеризуя самые важные для человека стороны жизни и отношения к базовым ценностям. [Алефиренко, Семененко 2009:242-244].

Что касается роли пословиц и поговорок в языковой картине мира, то она особенна тем, что паремии позволяют наиболее образно, аргументировано и лаконично выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека, человеческого сознания и человеческого общества.

Итак, паремии занимают особое место в ряду репрезентантов национальной картины мира. Более того, пословичная картина мира представляет собой именно тот фрагмент языковой картины мира, который связан с частью национальной концептосферы, представляющей *базовые культурные ценности* [Алефиренко, Семененко 2009: 312].

Рассмотрим далее на конкретных примерах, как происходит отражение культурных реалий в языке на лексико-фразеологическом уровне. Для получения более полной и объективной картины нам представляется необходимым обратиться к диахроническому аспекту, выявляя в древне- и средневерхненемецком языке те исходные культурные понятия (и, конечно же, концепты), которые лежали в основе картины мира человека III-XIII веков⁵, в его представлениях об окружающей объективной (пространственной) действительности.

Прочно закрепившись в языковом сознании человека и будучи вербально объективированными в языке, они дошли до наших дней, определяя в большой степени современное видение действительности, накладывая свое влияние на восприятие окружающего мира и определяя языковое и невербальное поведение человека и его образ жизни.

На протяжении многих веков в сознании человека окружающий его мир подразделялся на срединный, верхний и нижний. Представление о нижнем и верхнем мире – неотъемлемый компонент «образа мира», который лежит в основе культуры определенной эпохи. Так средневековому человеку **нижнее**

---

⁵ Мы останавливаемся именно на периоде с 3 по 13 век, полагая, что именно в это время вследствие целого ряда экстралингвистических факторов, главными из которых является религия, развитие земледелия, установление системы правовых отношений происходит переоценка ценностей, изменяется восприятие человеком окружающей реальной действительности и своего места в ней.

пространство, ад, представлялось замкнутым, но имеющим в качестве границы двери / ворота (двн. *portahella* / *hellapforta hellaporta*, свн. *helleporte*), которые всегда были открыты – «*die Tür zur Hölle steht immer offen*» (SWL). Такое представление нижнего пространство явилось прототипной ситуацией, т.е. ситуацией соответствующей буквальному значению фразеологизма. Со временем это содержание переосмысливалось и теперь воспринимается как наставление, народная мудрость: в жизни надо быть осмотрительным и не поддаваться соблазнам, ведь так просто оступиться и совершить непоправимое.

Негативная оценочная коннотация закреплена в данном фразеологизме именно в лексеме *Hölle* и символе «открытая дверь – как нарушение границы, целостности пространства». Негативную оценку нижнего пространства (ада) наблюдаем также и во фразеологизме «*in der Hölle ist es überall gleich weit*» (SWL). Утратив свое первоначальное значение, выражение используется в языке для описания тех ситуаций, где рисуется тщетность попыток воздействовать и изменить происходящее.

Негативную аксиологическую характеристику, неприятие субъектом всего, что связано с *Hölle*, и ему близким пространством несет устойчивое выражение «*der Vorhof der Hölle*» («преддверие ада» → «нечто ужасное»).

Тяжелая ситуация, в которую попадает человек, также описывается фразеологизмом с компонентом *Hölle*: «*die Hölle auf Erden*» («ад крошечный» → «нечто кошмарное»), «*Höllenqualen leiden / haben*» («испытывать адские муки / страдания»), «*durch die Hölle gegangen sein*» («пройти через все пытки ада»).

Многие проклятия, пришедшие к нам из древности, связаны с адом: «*j-n in die Hölle wünschen*» / «*j-m die Hölle an den Hals wünschen*» («проклинать кого-либо, желать зла кому-либо»), «*j-m die Hölle heiß machen / j-m etw. zur Hölle machen*» («отравлять кому-либо существование»).

Также пароним «*Der Weg zur Hölle ist mit guten Vorsätzen gepflastert*» со значением «дорога в ад вымощена благими намерениями» еще раз

свидетельствует о негативной коннотации лексемы «*Hölle*», вызывающей в нашем языковом сознании ассоциацию только с плохим, со страданием, несчастьем. Но сам человек верит в свою силу, в способность противостоять злу нижнего мира, что отражено во фразеологизме «*Selbst in der Hölle lässt sich leben*».

Еще одна народная мудрость заключается в том, что, какой бы тяжелой ни была ситуация, всегда надо надеяться на лучшее и не утрачивать оптимизма, ведь «не так страшен черт, как его малюют» – «*die Hölle ist nicht so heiß, wie man sie malt*».

Реализация ментального представления о **верхнем мире** происходит в языке посредством сложных слов, в состав которых в качестве определяющего компонента входит *himil* (напр.: двн. *himilberc*, *himeldach*, *himelhac*, *himelhof*, *himelhûs*, *himelring*, а также *himilkamara* и *himilpfalinza*).

Эти лексемы позволяют установить интересную закономерность в восприятии средневековым сознанием верхнего мира: человек структурирует его по образу и подобию собственного жилого пространства: небесное царство соотносится с домом (*himelhûs*) (где есть крыша, дверь, ворота, выполняющие защитную и пограничную функцию (*himeldach* «небесный кров», *himelp(f)orte*, *himilturi* «небесные врата»), с комнатой (*himelkamara*, также *diu hêre zelle* «рай», «небесная обитель»⁶) или замком (*himilpfalinza*), далее по мере удаления от центра расположенным вокруг дома двором (*himelhof*), обнесенным оградой (*himelhac*).

Степень значимости верхнего мира для средневекового сознания проявляется в высокой степени экспликации представления о нем на лексическом уровне, в частности, с помощью синонимии (свн. *himelphat* / *himelstrâze* / *himelstîc* «дорога / тропа, ведущая на небо», двн. *himilbûo* / *himilsâzo* «небожитель» двн. *himilkamara* «небесная обитель», двн. *himilpfalinza* «небесный дворец»). Об этом свидетельствует также высокая

---

⁶ Двн. *zella*, свн. *zelle* / *celle* «комната» заимствовано из лат. *cella* «узкая комната».

словообразовательная активность основы двн. *himil-*, свн. *himel-* (двн. *himilberc / himillant / свн. himeldach, himelhac, himelhof, himelhûs*).

Итак, с верхним пространством *Himmel* у человека были связаны исключительно положительные ассоциации, в связи с чем небо становится символом счастья, безмятежности, т.е. всего того, чего человеку в его земной жизни вряд ли хватало. Все это, несомненно, нашло отражение во фразеологии, например: «*den Himmel auf Erden haben*» («жить как в раю»), «*den Himmel offen sehen*» («быть наверху блаженства»), «*im siebten Himmel sein*» («быть на седьмом небе от счастья»), «*j-m vom Himmel geschickt sein*» («быть посланным кому-нибудь судьбой, небом»).

Также на фразеологическом уровне вербально отразилось ментальное представление о нехороших последствиях, связанных с нарушением гармонии верхнего мира или необходимостью его покинуть. Хотя это значение в приведенных далее фразеологизмах и представлено в переосмысленном виде, оно, тем не менее, угадывается: «*bis der Himmel j-m auf den Kopf fällt*» («пока гром не грянет»), «*(wie) aus dem Himmel / allen Himmeln fallen / stürzen / aus allen Himmeln gerissen werden*» («как с неба на землю упасть» → «горько разочароваться в чем-либо»), «*wie ein Blitz aus heiterem Himmel kommen*» («как гром среди ясного неба»).

Что касается срединного пространства, которое населял сам человек, то оно было представлено расходящимися от центра концентрическими кругами, делившими его на «свое» и «не-свое / чужое». Центром «своего» и важнейшей точкой срединного пространства, обладавшей наибольшей степенью аксиологической значимости, был центр.

Центральную точку «своего» пространства представляет собой жилище человека, рассматриваемое Ю.М. Лотманом как «безопасное, культурное, охраняемое покровительственными богами», противопоставляемое «антидому» (чужому, дьявольскому пространству, месту смерти) [Лотман 2000: 313].

Репрезентация в языке ментального представления о жилище, возводимом на своей территории, происходит посредством лексемы двн. *heima*, свн. *heim*. На фразеологическом уровне достаточно хорошо отражено оценочное отношение человека к своему пространству: человек дорожит своим жилищем, нахождение в своем доме дает уверенность (*Daheim ist ein Mann zwei (SWL)*, *Der Hund ist daheim am stolzesten (SWL)*), ассоциируется с самостоятельностью (*Daheim ist man König (SWL)* или *Zu Hause ein Löwe, draußen ein Lamm (SWL)*); свое, родное защищает, придает силы; нигде не может быть лучше, чем дома, в родной стороне (*das Heim geht über die Fremde, Daheim ist daheim (SWL)*, *Daheim ist der Himmel blauer (SWL)*, *Daheim ist's am besten (SWL)*).

Фразеология свидетельствует о том, что человек негативно расценивает ситуацию, когда родной дом нужно покидать (*Heim und Herd den Rücken kehren, Die an allen Orten wohnen sind an keinem daheim (SWL)*).

Люди дорожат целостностью своего пространства-дома, которая не может и не должна быть нарушена. Каждый, кто преступал священный закон неприкосновенности, сакральности жилища (свн. *heime suchen* «проникать в чье-либо жилище с недобрым намерением», а также *Türstoßen und Heimsuchen ist eins wie das andere (DRW)*) подвергался суровому наказанию.

Свой дом – это также двн., свн. *hûs*. В своем номинативном аспекте лексема имеет достаточно широкий денотативный спектр: от бедного убогого, временного жилища, до замка, а также храма. Кроме того, слово обозначает семью, род (*von gutem Hause sein*), хозяйство (свн. *hûs halten*, нвн. *Haus mit j-m halten* «вести домашнее хозяйство», также *ein großes (offenes) Haus führen (LRA)*).

«Свое» пространство дома противопоставлялось «чужому». Это противопоставление реализуется в устойчивом выражении *Was man im Hause hat, braucht man nicht draußen zu suchen (SWL)*. Речь идет о потенциальных возможностях своего и чужого. Только неудовлетворенность и вера в возможность претворения в жизнь своих ожиданий и надежд за границей

своего, являлась стимулирующей силой, способной сподвигнуть человека на перемещение из своего в чужое пространство.

Свое пространство, дом гарантирует защиту, ощущение безопасности, но для этого надо прилагать определенные усилия, напр. создать оградительные сооружения с целью защиты⁷ своей территории: *Wer sein Haus beschützt, den beschützt es wieder (SWL)*. В устойчивых выражениях: *j-n hûsen oder herbergen (PWB)* / *j-n hûsen oder hoven oder schirmen (PWB)* «защитить, дать кров, приютить кого-либо» когнитивный признак «защита» представлен вербально тремя глаголами: *hûsen*, *hoven* и особенно свн. *schirmen* с основным значением «защищать». Соотнесение дома с крепостью (*Mein Haus ist mein Burg (DRW)* «Мой дом – моя крепость») также говорит о том, какое важное значение человек придает своему собственному жилищу, как верит в его возможности защитить от всего внешнего, негативного. Чем дальше от своего пространства, тем больше опасность: *Fern vom Haus ist nah beim Schaden (SWL)* «Вдали от дома – вблизи от беды».

Чувство физической защищенности порождает чувство психологического комфорта (ср. *Zu Hause ruht man am besten aus (SWL)*, также *Zu Haus ist zu Haus, und wäre es noch so schlecht (SWL)*), чувство уверенности в себе (*Binnen meinen vier Pfählen muss ich sicher sein (PWB)* / *Jedem soll seine Behausung die größte Sicherheit sein / In seinem Hause weiß jeder Bescheid (SWL)*), в собственных силах, в правильности своих действий и т.д., напр. *Jeder ist Herr (Meister) in seinem Haus / jeder ist ein Mann/ Kaiser auf seinem Lande (DRW)*.

В своем пространстве должны царить мир и покой, что также находит свое вербальное овнешнение на фразеологическом уровне: *In seinem Hause soll jeder Friede haben (DRW)*, *Eintracht baut das Haus, Zwietracht reißt es nieder (SWL)* «Согласие – основа дома, раздор разрушает», также *Ist kein Haus auf dem Grund, dann ist kein Hausfriede gebrochen (DRW)* (отсутствие мира и

---

⁷ В целях защиты своего пространства, человек всячески стремился предупредить нарушение границы дома, ведь кто переступал порог, тот без усилий мог проникнуть дальше (*Wen du ins Haus lässt, der kommt dir auch in die Stube (SWL)*) и принести с собой неприятности и несчастье в семью.

согласия равносильно гибели семьи / дома)», *Jeder friedbare Mann hat Frieden in seinem Hause* – у каждого миролюбивого человека мир в доме, *Hausfriede muss man halten dem Reichen wie dem Armen* (все люди, независимо от своего социального положения должны сохранять в доме мир).

Мир должен быть не только в доме, но также на прилегающей к нему территории двора, напр. *Binnen Haus und Hof hat jedermann Friede / Man weist den Hof so frei wie die heilige Kirche (DRW)*.

Порядок (*Ordnung im Haus ist halbes Sparen (SWL)*), разумное ведение домашнего хозяйства (*Durch Weisheit wird ein Haus gebaut und durch Verstand erhalten (SWL)*), бережливость (*Sparsamkeit erhält das Haus (SWL)*), дальновидность (*Sich zuerst in das Haus, danach hinaus (SWL)*) – условия благополучия в пределах своего пространства.

Человека всегда стремился оградить свое жилище от чужой отрицательной оценки, поэтому все, что происходило в стенах дома не должно было попадать во внешний мир и становиться достоянием проживающих за его границей (у каждого дома была своя «тайна»: *Was im Hause gekocht wird, soll man auch im Hause essen (SWL)*, а также *Die Haustür geht nach innen auf (SWL)* (→«семейная ссора не должна выходить за порог дома»)).

Подобным образом можно интерпретировать фразеологизм «выносить сор из избы» со значением «разглашать сведения о каких-то неприятностях, касающихся узкого круга лиц»: *den Schmutz aus der Stube fegen / seine schmutzige Wäsche vor anderen Leuten (vor aller Welt) waschen / gern aus der Stube plaudern / was ins Haus gehört, auf die Straße bringen*. По древним поверьям сор нужно было непременно сжигать в печи, чтобы он не достался злым людям, т.к. вынося мусор из избы, мы тем самым ослабляем «свое» пространство и делаем его уязвимым.

Центр дома и его символ – очаг, двн. *herd*, свн. *hert*. Это символ тепла и уюта, место сбора членов семьи; остывшая печь символизирует ссору или конец социальных отношений, остывшие чувства. Именно это повлияло на

развитие у фразеологизма *jetzt ist der Ofen aus* (LRA) переносного значения – «теперь все кончено».

Наличие собственного очага, дома для человека очень значимо (*ein eigener herd, ein braves weib sind gold und perlen werth* (DRW) «Свой очаг и добрая жена стоят злата и жемчуга», а также *Herd ist Goldes wert* (DRW).

Несчастен тот, у кого нет собственного очага, ведь он должен искать приют на чужой стороне: *Wer einen kalten Herd hat, der wärm sich gern in fremden Küchen* (SWL) и напротив, у кого есть родной очаг, тот не будет искать счастье на стороне: *Wer sich immer zu Hause gewärmt, sehnt sich nach fremden Feuer* (SWL)

Свое замкнутое пространство наряду с его сакральным и важным в правовом отношении центром-домом, а в нем – очагом, включает в себя также находящуюся в непосредственной близости от центра и противопоставляемую ему область, обозначаемую корневой лексемой двн., свн. *Hof*. Как на территории своего пространства дома, так и на территории своего пространства двора человек находит защиту и поддержку, покидая его, он их лишается, что отражено в устойчивом выражении *Wer den Hof verlässt, den verlässt der Hof* (SWL).

Следующая область своего пространства – обрабатываемая земля, расположенная вблизи жилища, двн. *ackar*, свн. *acker*, на которой члены семьи осуществляли совместную трудовую деятельность (*zi ackere gangan* – «работать в поле»), причем трудиться нужно было добросовестно, иначе пришлось бы страдать от голода (*Wo der Acker leidet Not, fehlt's dem Bauern bald an Brot* (SWL), также *Wer den Acker pflegt, den pflegt den Acker* (SWL)). Но добросовестной работы было недостаточно, процветание своего пространства было возможно только в условиях мирного существования: *Friede düngt den Acker wohl* (SWL).

В процессе восприятия и оценки пространственной действительности большое значение имеет граница, в частности граница дома, которую Т.В. Цивьян характеризует как вход / выход в «свой» / «чужой» мир и в качестве

которой она рассматривает крышу, стены, забор, ворота, дверь, лестницу, порог. Этим элементам она приписывает защитительную, заградительную, запрещающую функцию [Цивьян 2000: 203-205]. Рассмотрим их более подробно.

По мнению Э. Бенвениста, Т. В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, дверь – двн. *turi*, свн. *tür(e)* / двн., свн. *tor* – символизирует «выход из дома», перемещение из своего во внешнее, не-свое, чужое пространство, это символ разделения двух миров [Бенвенист 1995: 207-208], это место прохождения между двумя мирами, между известным и неизвестным, между светом и мраком [Маковский 2004: 543-544]. Тот, кто отваживается открыть дверь и переступить порог, принимает психологически важное решение: покинуть свое пространство, где он чувствовал себя защищенным, и отправиться в полное опасности чужое, ср. в этом значении *Wer zu Tür hinaus ist, hat die Hälfte der Reise getan* (SWL) (употребляемое в нвн. в переносном значении, выражение описывает трудность первого шага в каком-либо деле) или *Wer über die Türschwelle⁸ ist, hat die Reise halb getan* (SWL).

Пренебрежительное отношение к человеку выражали тем, что его выставляли за порог (*j-d muss hinter die Tür*). Впавших в немилость также оставляли у закрытых дверей, не пуская в свое жилище, о чем свидетельствует фразеологизм *die turen bald wieder treffen* (нвн. «натолкнуться на препятствие»). Напротив, дверь никогда не была закрыта перед теми, кому доверяли: *Freunden ist keine Tür verschlossen* (SWL).

Открытые ворота и двери – символ опасности. Средневековый человек был согласен скорее жить в непрочном жилище, нежели допустить возможность беспрепятственного проникновения извне в свое жилище, о чем свидетельствуют следующие устойчивые выражения: *Besser ein hölzernes Schloss / ein hölzerner Riegel als eine offene Tür* (SWL).

---

⁸ Двн. *swelli*, свн. *swelle*, общегерм. слово, с помощью двн. *swella* описывали различно используемые доски, позже так называли порог двери. Он стал символом входа в дом. Для чужака проникнуть в дом, преодолев порог, было не легким делом, отсюда метафорическое сравнение порога дома с горой в устойчивом выражении *Die Türschwelle ist der höchste Berg* (SWL)

Негативный оттенок сохраняется и в современном языке, где оно используется в переносном значении «поощрять что-либо плохое» – *einer Sache tür und tor öffnen (PWB)* (Ср. также *offene Türe machen heimliche Diebe (SWL)*).

Верхняя граница дома – крыша, двн. *dah*, свн. *dach*. Важность крыши как защитного сооружения отражена в устойчивом выражении *j-m aufs Dach steigen, j-m übers Dach kommen, eins aufs Dach kriegen (DRW)*. Выражение пришло из обычая 16 в., когда у совершившего преступление (а также у того, кого считали слишком покорным мужем) раскрывали в доме крышу.

Даже малое повреждение верхней границы покрытия могло повлечь за собой неприятности, ведь образовался проход из внешнего мира во внутренний, что могло угрожать жизни его обитателей (*Ein Loch im Dache verdirbt das ganze Haus (SWL)*).

В семантической структуре лексемы *Dach* присутствует сема «дом-жилище», «защита», «уют» и т.п. Например, фразеологизмы *einen unter sein dach nehmen* – «взять кого-либо в свой дом», а также *wer will haben gemach der bleibt unter seinem dach* свидетельствуют о том, что только в своем пространстве (своем доме) человек может найти физический комфорт, душевную гармонию, спокойствие, уверенность (ср. *unter eigenem Dach schläft man am sichersten (SWR)*).

Какой бы прочной ни была граница, защищающая свое пространство от внешней угрозы, опасность ее нарушения существовала всегда, об этом свидетельствуют устойчивые выражения с лексемой *Zaun* «забор»: *Ein niedriger Zaun ist bald übersprungen (SWL)* или *Wo der Zaun am niedrigsten ist, da springt Teufel hinüber (SWL)*. Чтобы обезопасить себя от проникновения извне, следовало создавать более надежное ограждение, как можно более прочно укреплять границу.

Следствие нарушения границы – ссора, война. Достаточно было повредить ее (границы) часть (сломать забор или одну из перекладин забора), чтобы вызвать конфликт. Выражения *etw. vom Zaune brechen (SWR)* или *Einen*

Streit vom Zaun brechen (LRA) описывают, утратив прямое значение, чье-либо желание намеренно начать ссору.

Итак, мы представили фрагмент семантического и лингвокультурологического анализа фразеологических единиц, являющихся одновременно вербальными репрезентантами ментального представления об объективной действительности, а именно о пространстве: верхнем, нижнем и (своем) срединном, которое населяет сам человек, возводя там свое жилище, возделывая прилегающую к нему территорию и обнося ее оградой. Такая структура окружающей человека пространственной действительности и те аксиологические характеристики, которыми она наделялась, преломляясь через сознание людей на протяжении нескольких сотен лет, предопределила систему основных культурных ценностей современного человека, касающихся, например, значимости своего пространства (дома), сохранение целостности этого пространства, необходимости мирного сосуществования, негативное отношение к людям, покидающим свое пространство или, напротив, вторгающихся на им не принадлежащую территорию.

Таким образом, сославшись на основной постулат лингвокультурологии, который заключается в том, что язык теснейшим образом связан с культурой, «прорастая», развиваясь в ней и выражая ее, можно утверждать, что семантика и этимология языковых единиц лексического и фразеологического уровней дают доступ к пониманию особенностей мировоззрения наших предков, позволяют реконструировать их картину мира, помогают постичь смысл тех моральных принципов, стереотипов, эталонов, которые по сей день сохраняют для нас свою значимость.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Алефиренко, Н.Ф., Семененко, Н.Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

3. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
4. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
5. Лотман, Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
6. Маковский, М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М., 2004. Изд-во «Азбуковник», – 630 с.
7. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. – 3-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
8. Новикова, Н.А. Фразеологические единицы с концептом «жизнь» в дискурсе культуры (этический аспект) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры. 2004. с. 234-240
9. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 272 с.
10. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Список используемых словарей и их сокращения

1. (ЛЭС) – Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
2. (D) Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bd. 7. Dudenverlag. 2001.
3. (DRW) – Deutsche Rechtsregeln und Rechtssprichwörter / Lexikon. Herausgegeben von Ruth Schmidt- Wiegand unter Mitarbeit von Ulrike Schowe. Verlag C.H. Beck 1996.
4. (LRA) – Lexikon der Redensarten / hrsg. von Klaus Müller Bertelsman Lexikon. 1992.
5. (PWB) – Jesko Friedrich Phraseologisches Wörterbuch der mittelhochdeutschen Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050-1350. Max Niemeyer Verlag Tübingen 2006.
6. (SWL) – Horst und Annelies Beyer Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Verlag C.H. Beck München. 1985.